

Читайте в серии
«Времена и чары»:

М. А. Казнир
На морозную звезду

Мэри Робинетт Коваль
Цикл
«Хроники чароплетов»

**Оттенки молока
и меда**

Чары в стекле

НА МОРОЗНУЮ
ЗВЕЗДУ

М. А. Казнир

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К14

Maria Kuzniar
UPON A FROSTD STAR

Copyright © M. A. Kuzniar, 2023
International Rights Management: Susanna Lea Associates
and the Van Lear Agency

Перевод с английского Валентины Корчевой
при содействии ИП Бакун Л. В.

Иллюстрация на переплете
Таисии Шарабьевой

Казнир, М. А.

К14   На морозную звезду / М. А. Казнир ; [перевод с английского В. А. Корчевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-04-206562-0

Каждый год первый снегопад сопровождается таинственным приглашением с простой надписью: «Сегодня вечером». Перед очарованием этой загадки невозможно устоять, и начинающий художник Форстер полон решимости разгадать тайну волшебной вечеринки, ведь ее слава гремит громче захватившего улицы джаза.

Именно там он встречает таинственную незнакомку. Непостоянная, как первый снег, девушка в белом привносит в жизнь Форстера частичку магии. Она становится его музой, но вместе с тем и его наваждением. Она отчаянно хочет освободиться от проклятия, и Форстер не может остаться в стороне... Даже если это разобьет его сердце.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Корчевая, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206562-0

*Моему мужу, Майклу Бромвуду.
Я буду любить тебя,
пока не покинет небеса луна
и не погаснут звёзды*

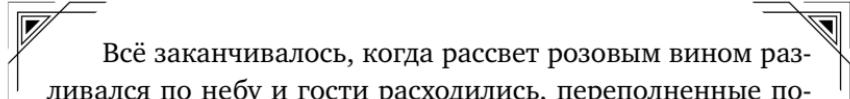
Пролог

Эти вечеринки всегда начинались одинаково. Когда ночи удлинялись, с каждым днём всё раньше поглощая дневной свет. Когда зима начинала нащёпывать свою морозную песнь земле и обещание скрытых первых снегопадов витало в воздухе...

Тогда, и только тогда особняк на утёсе распахивал свои величественные двери.

На приглашениях никогда не было адреса. Никто не разносил по соседнему солнному городу вести о предстоящем вечере. Из года в год день проведения вечеринки менялся. И из года в год в эти двери входили все роскошно одетые, богатые и влекомые любопытством.

Всё начиналось с шёпота, приятного волнения и искарящегося, словно пузырьки шампанского, предвкушения, приправленных щепоткой разыгравшегося воображения. Слухам о таинственном вечере, не похожем ни на одно привычное празднество, хватало всего нескольких часов, чтобы взбудоражить людские умы, разжигая желание во что бы то ни стало увидеть всё собственными глазами.

Всё заканчивалось, когда рассвет розовым вином разливался по небу и гости расходились, переполненные полученными в царстве декаданса¹ эмоциями.

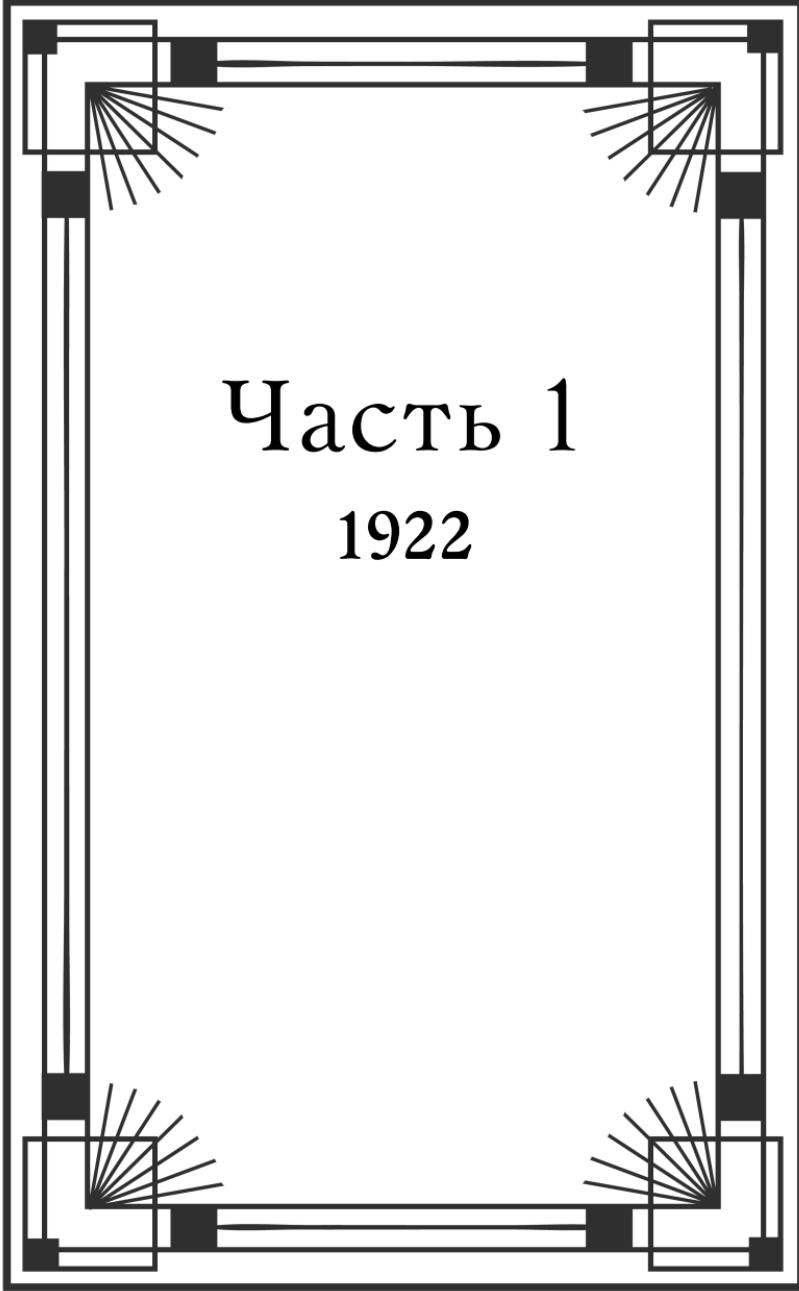
Но что же было дальше? Не проходило и минуты, как последний человек переступал порог особняка, а двери уже были закрыты, вновь надёжно разделяя два мира.

Об этих вечеринках ходили легенды. Они были средоточием безрассудства, порождённого дерзкими мечтами и дивными наслаждениями.

А, бывало, и одержимостью.

---

¹ Декадентской можно считать ту вечеринку, на которую приходят люди, испытывающие потребность в эгоцентризме, в экстравагантных, вычурных, порочных и в некотором смысле экзотических чувственных переживаниях или ощущениях. Декаданс как понятие возник на рубеже XIX–XX веков. (Здесь и далее — прим. перев. и ред.)

Часть 1

1922

*Стоит только усомниться в способности летать,
как она пропадает навсегда.*

Джеймс Мэттью Барри
«Питер Пэн»

Поздней ноябрьской ночью, когда ветер холодным дыханием Борея проносился над почти замёрзшей Темзой, Форстер задумался о том, не проклят ли он. Он начал свой день, сидя на крыле кухонной раковины. Неловко положив альбом для рисования на колено, Форстер пытался запечатлеть ласковые солнечные лучи, проникающие в окно их полуподвального этажа и подсвечивающие оставленные со вчерашнего вечера стаканы из-под виски. Будто растопленное масло. Когда половина натюрморта уже была выполнена тушью, солнечный луч сместился, и Форстеру пришлось отказаться от своей идеи. Он успел начать и в скуке забросить ещё пять эскизов, пока ближе к вечеру не сгостилась тьма, вторящая его унынию. Вскоре после этого маленькие часы на каминной полке пробили шесть, напомнив о давно оговоренной прогулке с соседом по квартире, и Форстер поспешил окунуться в отрезвляющую прохладу улицы.

Ноябрь ворвался в Лондон подобно урагану, покрыв инеем купола и шпили и вместе с этим пробудив совершенно детскую тоску по первому снегу. Это чувство уси-

ливалось ароматом жареных каштанов, разносившимся над набережной. Форстер отправился на поиски тележки и расстался с парой монет, обменяв их на свёрнутый уголком бумажный кулёк с каштанами. Покупка согрела ему руки, и он направился к скамейке с видом на реку. Свет расположенного рядом одинокого уличного фонаря падал на булыжники мостовой, пока он наблюдал за проплывающими по течению лодками, так похожими на неспешное течение мыслей самого Форстера. Лодки освещали тёмные воды уютным светом фонарей, и ему захотелось, чтобы хоть одна встала на якорь.

Может, ему стоило научиться ходить под парусом? Тогда он бы купил небольшое подержанное судёнышко, потратил время на то, чтобы его отремонтировать, и отполировал до блеска так, чтобы оно сияло среди волн, подобно жемчужине. Он спал бы на палубе, любуясь звёздами, рассыпанными по небесному куполу. Но как тогда быть с его решением посвятить жизнь искусству? Большую часть этого года он провёл в попытках отыскать хотя бы маленькую искорку утраченного вдохновения, но все музы отвернулись от него, и его альбомы были заполнены незаконченными рисунками. Быть может, какое-то невидимое, скрытое от глаз зло прокляло его, обрекло его наброски на то, чтобы так и оставаться незавершёнными. Иногда они обретали плоть и прокрадывались к нему в кошмары. Он видел женщину без лица, видел недостроенный город и лишь слегка прорисованную мужскую фигуру. Кошмары участились с прошлого месяца, когда Форстеру исполнилось двадцать девять. Третий десяток подходил к концу, а он так и не оставил своего следа в этом мире.

— Если будешь так усиленно думать, из ушей повалит дым, — раздался знакомый голос.

Форстер отвлёкся от размышлений и увидел, что рядом с ним стоял его сосед по квартире, Марвин.

— Ты когда-нибудь чувствовал неудовлетворённость жизнью? — поинтересовался Форстер.

Марвин оглядел его с головы до ног мутно-голубыми глазами и выдохнул облачко пара, отчего кончик его носа слегка порозовел.

— О чём мечтаешь на этот раз? Написать величайший роман? Стать шеф-поваром? Или... — Марвин вытянул из бумажного кулька один из каштанов, и, зажав между пальцев, повертел его, словно в поисках вдохновения. Взгляд с озорным огоньком в самой глубине остановился на реке. — Сбежать куда-нибудь под парусом?

— Ничего подобного, — согнал Форстер, отправив в рот мягкий, как сливочное масло, каштан, вкус которого принёс воспоминания о Рождестве. Он проигнорировал вкрадчивый шёпот искушения, эхом отзовавшийся на слова Марвина, обрисовавший в мыслях образ самого Форстера, создающего произведения искусства из любых ингредиентов и составляющего рецепты как поэмы. — Самый обыкновенный недостаток вдохновения, вот и всё.

Марвин глубоко вздохнул, в нём чувствовалась такая же ноющая, отзывающаяся в самых костях усталость.

— Значит, он у нас обоих, старина. Артур отверг все мои сегодняшние предложения. Мне нужно что-то стоящее, что-то, что заставит его пожалеть, что он не обратил на меня внимания. Но каждый раз, как мне в голову приходит идея или тема для статьи, я натыкаюсь на препятствие: либо над ними уже кто-то работает, либо кто-то осветил их лучше меня, либо у кого-то имеется доступ к более достоверным источникам. Я устал гоняться за обрывками информации.

Оставалось только искренне посочувствовать другу. Они познакомились, когда Форстер перебрался в Лондон из родного Нортгемптона. Тогда он был в поисках приличной квартиры, которую смог бы позволить себе попо-

лам с кем-нибудь. Это было условием, чтобы сохранить часть пособия и комфортно жить, пока он не определился, чем ему бы хотелось заниматься по жизни. Когда Форстер был моложе, его мечты пестрели сотнями возможностей. Он видел себя в свежевыглаженном мундире и начищенных сапогах, бесстрашно марширующим в самое пекло войны. Видел себя среди парижской богемы, пишущим картины, достойные того, чтобы украшать стены выставочных залов. Видел себя в окружении созданной им семьи, любящих людей, которые расплывались бы в улыбке каждый раз, как он заходил в комнату роскошного новенького особняка. Теперь же Форстеру почти тридцать, на нём грузом лежат оставленные позади мечты и холодный ужас осознания, что на самом деле несёт с собой война, пусть он никогда и не участвовал в сражениях. Оказавшись вдали от кровных родственников, он обрёл семью — или, по крайней мере, что-то наиболее близкое к тому, чтобы называться семьёй, — в Марвине. В январе прошлого года, почти два года назад, старый школьный друг Форстера поспособствовал, чтобы между ними завязалось знакомство. Марвин разделял заветное желание Форстера сделать себе имя, и между будущим журналистом и начинающим художником быстро возникла крепкая дружба.

По установившейся между ними традиции они вдвоём прогуливались по набережной. Густой туман стелился вдоль реки, постепенно заполняя улицы, окутывая фонари и гася их мерцание.

— Пугающе готично, — Марвин, дрожа от холода, поднял повыше толстый шерстяной воротник и поправил свою шляпу порк-пай¹, которая, как ему казалось, делала

---

¹ Шляпа порк-пай — вид шляпы, который носили с середины XIX века. Эта шляпа отличается плоской макушкой, напоминающей традиционный пирог со свининой, благодаря чему и получила своё название.

его похожим на Бастера Китона¹, этакого представителя светского общества.

Здание Парламента нависало над ними, впечатляющее своим перпендикулярным готическим стилем и обветшалой каменной кладкой. Молодые люди старались держаться на некотором расстоянии на случай, если со стен упадёт крупный камень, как это случилось пару лет назад с Башней Виктории. Когда Форстер поднял взгляд на подсвеченный циферблат часов, что-то белое прошелестело у него над ухом, вместе с тем слишком мягкое, маленькое и невесомое, чтобы быть камнем.

— Неужели снег идёт? — удивился Форстер и, стоит заметить, далеко не первый раз за этот год оказался неправ.

Он снял шляпу и прищурился, вглядываясь в белёсый туман. В воздухе кружились сотни бумажных свёртков, плавно и изящно, как крохотные лебеди.

— Это свитки, перевязанные лентой, — озвучил он свои мысли.

— Ну, не будем просто стоять и смотреть на них... Давай поймаем один, — придерживая шляпу, Марвин подпрыгнул, но вместо желаемого ухватил воздух: свёртки упорхнули из-под его пальцев и растворились в ночи, к его явному неудовольствию. Со смешком Форстер вытянул руку и без особых усилий поймал свиток, чем заслужил сердитый взгляд от своего спутника. Марвин нетерпеливым жестом поторопил его, но Форстеру нравилось растягивать удовольствие, наслаждаться каждой деталью момента. Он не спеша развязал чёрную ленту, отмечая мягкость бархата, и только после этого развернул свиток.

---

¹ Бастер Китон — американский комедийный актёр, режиссёр, кинопродюсер, сценарист и каскадёр. Один из величайших комиков немого кино. Наиболее известен своими немыми фильмами, в которых его фирменным знаком стало невозмутимое выражение лица.